

УДК 008(571.54)

Культурное наследие в контексте идеологической борьбы в Бурятии 1920-х годов

Амгаланова Мария Викторовна

Кандидат культурологии,
доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1;
e-mail: amgalanova@rambler.ru

Аннотация

В статье культурное наследие бурятского народа рассматривается в контексте ожесточенной идеологической борьбы. В короткие сроки понять, какие элементы являются демократическими, а какие – буржуазными, было совсем не просто, поэтому вполне понятным становится накал идейной борьбы, развернувшейся вокруг культурного наследия. Автором рассматриваются такие острые политические вопросы, как проблема реформирования письменности, использование в разработке программы национально-культурного строительства элементов религиозной культуры – буддизма и шаманизма. Особенное внимание уделяется критике, которой подвергался старый общественный строй бурят, а также эксплуататорский класс и буржуазная интеллигенция, которая полагалась проводником сохранения прошлого быта посредством культурного наследия. С точки зрения официальной идеологии считалось реакционным, ненужным и вредным и, следовательно, решительно отвергалось использование элементов традиционной культуры, буддийской культуры, старомонгольской письменности в строительстве советской бурятской культуры. Мысли деятелей культуры по вопросам культурного возрождения бурятского народа в контексте борьбы «с исправлениями линии национально-культурного строительства» были подвержены острой критике в 1920-1930-х годах за отрицание классового характера и антинародной сущности феодально-клерикальной и буржуазной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Амгаланова М.В. Культурное наследие в контексте идеологической борьбы в Бурятии 1920-х годов // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 1А. С. 302-309.

Ключевые слова

Культурное наследие, национальная культура, социалистическая культура, культурная политика, идеологическая борьба.

Введение

Большевики правомерно полагали, что доктрина национализма была глубоко укоренена в общественно-политической мысли Бурятии. Советское руководство начало активную идеологическую борьбу с проявлениями буржуазного национализма, с тем, что, по его мнению, являлось темным наследием прошлого и, следовательно, мешало построению новой социалистической культуры. Во главу угла было поставлено положение Ленина, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы и не развитые, элементы демократической и социалистической культуры... Но в каждой нации есть также и культура буржуазная... Мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [Ленин, 1970, 142]. Идеологическая установка гласила, что развитие социалистической культуры бурятского народа буржуазные националисты хотели направить по пути феодально-теократической культуры Востока.

Реформирование письменности

По проблеме реформирования письменности имелось три различных позиции. Так, А. Бадмаев отстаивал позицию «западников» и М. Богданова, апеллируя к тому, что западные буряты уже ассимилировались с русским населением, поэтому путь к социалистической культуре должен идти через русский язык и культуру. Вариант создания национальной письменности на латинице предлагал Б. Барадин, который был поддержан политическим руководством советского государства «в качестве низовой инициативы, прежде всего местными национальными лидерами, как правило, обладавшими большим авторитетом» [Базарова, 2012, 106].

Диаметрально противоположную позицию занимали Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Г. Цыбиков, которые возможность возрождения бурятского народа и бурятской культуры видели в преждевременности коренного изменения старомонгольского алфавита, предлагая его частичное изменение и усовершенствование орфографии. Выбор именно этой графической системы обосновывали близостью национальным традициям. По мнению Ц. Жамцарано, высказанному еще в 1907 году, каждая народность «имеет право и должна проявить свой национальный дух, свою индивидуальность, свое культурное творчество; иметь право и должна свободно распоряжаться своими внутренними делами и устраивать свою духовную и материальную жизнь» [Жамцарано, 1907, 16].

Г. Цыбиков, резко выступая против введения нового алфавита на латинской графике, писал: «Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, каковой бы она ни была (все же наследие культуры данной национальности), имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу, и для дальнейшей работы с монгольской литературой, не разрывая связи с ней и не отставая от требований новой культурной жизни, идущей из Европы через СССР, необходимо сделать некоторые реформы письма, а затем вообще усовершенствовать и развить шрифт, чтобы он являлся во всем разнообразии образцов» [Цыбиков, 1926, 17]. Э.-Д. Ринчино и Н. Амагаев, работая над реформированием алфавита А. Доржиева, исходили из мысли, что «бурятский язык, имеющий корневые связи с монгольским, должен базироваться конкретно на старомонгольской

графической основе, что способствовало бы... обогащению знаний, укрепило бы территорию данного языкового пространства» [Базаров, Жабаяева, 2008, 55].

Ошибочность позиции о реформировании старомонгольского алфавита с лингвистической точки зрения сегодня не вызывает сомнений, поскольку необходимо было провести не просто частичное изменение и усовершенствование орфографии, сколько радикальную реформу письма и создание нового литературного языка, который был бы в состоянии обслуживать множество живых наречий и диалектов.

Для нас важно другое. Идея создания общемонгольского литературного языка и на его основе объединения разрозненных монгольских народностей в единое целое вызвала резкую критику, поскольку правящей элитой стала пониматься как проявление панмонголистских взглядов. В 1930 году на совещании работников культурного строительства отмечалось, что в резолюции о реформировании общемонгольской письменности, принятой на республиканском культурно-национальном собрании 1926 года, было прямо сказано о допущенных отдельных ошибках «националистического и панмонголистского характера» [История бурятской советской литературы, 1967, 15]. Само использование старомонгольского алфавита стало пониматься как признак политической отсталости или проявление национализма, заставив тех, кто стоял на позиции ее реформирования, признавать свои ошибки на страницах периодической печати. Так, неоднократно подвергался Г. Цыбиков за свое видение монгольского литературного языка как объединителя монгольских племен [Цыбиков, 1926, 34].

С культурно-исторической точки зрения, действительно, переход на новую графическую систему означал разрыв с культурным наследием, поскольку «разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто рвать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере» [Там же, 25]. Но уже в 1929 году в ответ на критику Ш. Ибрагимов Г. Цыбиков отмечает: «Я слишком переоценивал литературный монгольский язык и его письменность как единственное орудие усвоения массой культуры в данный переходный момент. Революционные сдвиги на Востоке заставили меня отказаться от этого взгляда, что я сделал уже в печати» [Там же, 54]. Возможно, он сам понимал, что будет недостаточно лишь усовершенствовать шрифт и установить новое правописание. Однако в последовательном отстаивании старомонгольской письменности нам видится лишь желание ученого-востоковеда сохранить национальное мирознание, отражением которого является язык и письменность.

Использование элементов буддизма и шаманизма

Бурятская интеллигенция в разработке программы национально-культурного строительства особенное место отводила элементам религиозной культуры – буддизму, который являлся основной формой социализации населения, и шаманизму. В частности, Б. Барадин, стоявший у истоков создания бурятской национальной литературы, теоретической и практической разработки бурятской письменности и литературного языка, занимался вопросами национальной поэтики. Именно религиозную шаманскую поэтику он полагал образно-выразительной, хранителем языковой чистоты, которую следовало положить в практику нового искусства. Так, в «Вопросах сценического искусства бурят-монголов» он писал, что «шаманская поэтика бурят-монголов должна сыграть исключительную роль в области выработки художественно-языкового, литературного стиля и в области сценического искусства, музыки и пения» [Барадин, 1925, 3].

С. Туя (П. Дамбинов) говорил о необходимости изучения бурят-монгольского шаманизма с точки зрения его художественной ценности. «До сих пор заклинания шамана представляются каким-то бессмысленным исступлением. Между тем, сколько здесь поэзии, сколько чувств и переживания, как мастерски, порою тонко музыкально – в начале и в конце строки – срифмованы стихи!» [Туя, 1923, 247]. Многие из представителей бурятской интеллигенции, кроме того, плодотворно занимались научной деятельностью по сбору материала о традиционной жизни монгольских народов, в том числе по сбору шаманского фольклора. Ц. Жамцарано, Б. Барадин, С. Балдаев внесли тем самым значительный вклад в науку, а их заслуги были высоко оценены научным сообществом России.

При этом они достаточно критически относились к шаманизму и его культам, негативно оценивали его влияние на простой народ, лишь признавали за шаманами наличие высокого поэтического мастерства длинно и красиво говорить. Ц. Жамцарано характеризовал шаманство как религию без идеалов, морали и философии, а возникновение различных течений и культов внутри шаманизма полагал основополагающим признаком поиска бурятами новой религии. «Одна только пословица – "худший из людей делается шаманом" – показывает, что народ уже перерос свою религию и произнес над ней свой безвозвратный приговор» [Жамцарано, 1907, 20]. М. Богданов полагал, что шаманство с его разорительной обрядностью является «непристойным кривлянием невежественных людей... шаманство уже давно перестало удовлетворять религиозное сознание бурят» [Цибиков, 2003, 205-206].

Исследовательский и творческий интерес к шаманизму Б. Барадина, П. Дамбинова, Ц. Жамцарано расценивался как продиктованный «противоречивым мировоззрением, путаной идейно-эстетической установкой» [История бурятской советской литературы, 1967, 19]. Б. Барадина и П. Дамбинова (С. Туя) на протяжении многих десятилетий критиковали за использование шаманской поэтики, за демонстрацию ее образно-поэтического преимущества посредством введения в текст литературных произведений песен, заклинаний, гимнов и т.п. Явным вредительством полагалось, что советские ученые и писатели объявляют «шамана "национальным поэтом" и предлагают взять на вооружение новой литературы и искусства его мистическую поэзию и культовые побрякушки... насыщенные суеверно-мистическими идеями и обрядами» [Там же].

Кампания против религии, проводимая советским государством, становится одной из первых. В Бурятии эта кампания была специфической и уникальной, вследствие многокофессиональности и значительной роли вероисповеданий и влияния духовенства. Широкомасштабная атеизация повлекла за собой не только упразднение духовенства, но и выступление против буддийской культуры и шаманизма. Возможности использования буддийского культурного наследия в строительстве социалистической культуры стали особенно острыми. Многие полагали, что в основу «новой» культуры должны быть положены традиции буддийского дацанского искусства (живопись, скульптура, архитектура, орнамент и т.д.). Этот вопрос продолжал оставаться актуальным и дискуссионным и через десятилетие после революции. Так, П. Дамбинов в докладе «Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития» на совещании работников культурного строительства в 1930 году прямо останавливался на необходимости художественно-творческого освоения элементов дацанского искусства.

Однако это понималось так. «Объективно в то время они стремились направить процесс художественного творчества по антинародному, клерикально-буддийскому руслу. Грубо извращая ленинскую теорию о партийности и классовой сущности искусства и литературы, они

по существу стали защитниками реакционной контрреволюционной идеологии ламаизма» [Там же, 20]. В контексте идеологического дискурса участвовавшие в строительстве национальной по форме и социалистической по содержанию бурятской культуры в отношении этой проблемы были разделены на группы. К одной группе отнесли тех, кто предлагал использовать лишь «технические достижения» буддийской культуры, т.е. применять имеющийся разработанный веками канон. Б. Бадрино, Ж. Батоцыренова, П. Дамбинова, Р. Ершина, Д. Иванова и другие подчеркивали, что «тезисом заимствования технических достижений дацанского искусства фактически подменялось понятие национальной формы, т.е. ставился знак равенства между дацанщиной и национальной формой» [Там же]. Полагалось, что таким образом ограничивается возможность использования демократических форм традиционной культуры и влияния передовой социалистической культуры народов России. В «Бурят-монгольской правде» от 15 ноября 1930 года отмечалось, что подобный подход в освоении буддийского культурного наследия современную Бурятию отождествляет с феодально-теократическим Тибетом и дореволюционной Монголией.

К другой, более реакционной группе были отнесены представители дореволюционного религиозно-философского течения «обновленчества», которые стояли на позициях максимального включения буддийского наследия в «новую» культуру. Однако в соответствии с новым социалистическим мировоззрением и задачами по преобразованию общества, строительства нового государства и формирования нового типа личности, религия и духовенство воспринималось как способ эксплуатации и угнетения трудящихся, как возможность сохранения их господства. В связи с этим большевиками утверждалось, что ламаизм состоит на службе у российского империализма. А поскольку национальная культура в Бурятии реформировалась в соответствии с идеологией социализма, то сама религия и духовенство должны были быть неизбежно устранены из общественной жизни.

Так, Ц. Жамцарано в апологетическом тоне сопоставлял буддийское учение с новым мировоззрением. В предисловии к работе «Основы буддизма» (1927) отмечается, что «Великий Готама дал миру законченное учение коммунизма... Современное понимание общины дает прекрасный мост от Будды Готама до Ленина... Знаем как Ленин ценил истинный буддизм. Построим основы буддизма в его явленных заветах. Учение простое, равное по красоте Космосу, удалит всякий намек на идола, недостойный великого Учителя народов» [Беликов, 2001, 305].

Б. Барадин также высоко оценивал морально-этическое учение буддизма, буддийскую культуру и философию. В проводимой в конце 1920-х – начале 1930-х годов кампании самокритики Б. Барадин соглашался с тем, что отождествление учения Маркса-Ленина с учением Будды в его высказываниях и публикациях «было продиктовано моим желанием популяризировать Ленина среди трудящихся бурят-монголов, находящихся в то время под огромным влиянием буддийской церкви» [Цибиков, 2003, 222].

А. Доржиев полагал, что «буддийское вероучение "не противоречит принципам коммунизма"... Основные буддийские идеи – ненасилие, сострадание, терпимость и любовь – близки к идеологическим принципам марксистского социализма... движения, пытался сблизить "первоначальный буддизм с социализмом и марксизмом"... "конечные цели буддизма и коммунизма... тождественны", а Будда лишь "предвосхитил учение Маркса и Ленина"» [Синицын, 2012, 107].

Жесткой партийной критике, а затем и репрессиям подверглись не только служители культа, но и бурятские общественные деятели, положительно оценивавшие буддизм. Тем не менее,

летом 1927 года Бурят-Монгольским ученым комитетом была организована уникальная и единственная экспедиция по дацанам Бурятии, результатом которой стала рукопись П. Дамбинова и Р. Мэрдыгеева «Об искусстве бурятских дацанов». По понятным причинам она не была опубликована. Сегодня рукопись имеет несомненную историческую и культурную ценность, она написана замечательным языком тонких ценителей искусства. Известный писатель и начинающий художник представили буддийский дацан как сокровищницу культурного наследия бурятского народа, хранящую все виды искусства: архитектуру, живопись, театр, музыку, литературу. Также по инициативе П. Дамбинова в 1926 году был снят и выпущен фильм «Цам», который «отражает весь период подготовки и момент представления ламами буддийской театральной мистерии. Позднее Солбонэ Туя сделал звукозапись музыки ламского оркестра для этого фильма» [Базаров, 1995, 69]. В ходе антирелигиозной кампании многое было уничтожено, поэтому в рукописи и фильме сохранилось описание того, что навсегда утрачено.

Главным результатом национального строительства должна была стать именно социалистическая бурятская культура. «Таким образом, хотя в программе нациестроительства коммунистов и подчеркивалось стремление к созданию отдельных и самостоятельных "наций", однако основное ее содержание заключалось в том, чтобы наполнить эти нации "социалистическим содержанием" даже в ущерб "национальной специфике", которая могла подвергаться репрессиям» [Бурятская идентичность..., www]. Так, впоследствии П. Дамбинов обвинялся в том, что, будучи активным членом панмонгольской организации, занимался контрреволюционной вредительской работой, которая выражалась в организации экспедиции «по изучению дацанского искусства для использования архитектуры дацанов при строительстве нового бурят-монгольского искусства», а также «являлся организатором национального клуба в г. Улан-Удэ, который по существу был очагом воспитания бурятской молодежи в панмонгольском духе» [Цыжипов, 2006, 128]. Согласно материалам дела, в литературном кружке «зачитывались и прорабатывались контрреволюционные произведения идеологов панмонголизма Барадина, Батоцыренова, Намжилона» [Базаров, 1995, 82].

Заключение

В ходе антирелигиозной кампании, проводимой по всей стране, предложения П. Дамбинова, Б. Барадина и других о необходимости специального изучения буддийского искусства, использования шаманской поэтики, вовлечения творцов дацанского искусства в процесс национально-художественного строительства, естественно, не встретили положительного отклика со стороны властей. Целостность национальной бурятской культуры представляет собой не только функционирование и развитие всех областей искусства – театра, литературы, музыки, живописи, но и сохранение и трансляцию традиционных ценностей повседневной культуры и религиозного мировоззрения. Уважительное и бережное отношение к культурному наследию, к исконным традиционным ремеслам, несмотря на радикальные преобразования в культуре в советский период, в основе которых лежала неразрывная связь с идеологическим компонентом, никогда не исчезали из национальной культуры.

Библиография

1. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.

2. Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественная мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.
3. Базарова В.В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-1930 гг. // Власть. 2012. № 8. С. 106-110.
4. Барадин Б.Б. Вопросы сценического искусства бурят-монголов. Верхнеудинск, 1925. 31 с.
5. Беликов П.Ф. Рерих: опыт духовной биографии. М.: Международный центр Рерихов, Мастер-Банк, 2001. 432 с.
6. Бурятская идентичность в контексте социокультурной модернизации (советский период). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat2/index.html
7. Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критики // Сибирские вопросы. 1907. № 24. С. 15-20.
8. История бурятской советской литературы. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1967. 473 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 606 с.
10. Сеницын Ф.Л. К истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 106-115.
11. Туя С. О бурят-монгольском эпосе и шаманской поэзии // Сибирские огни. 1923. № 5-6. С. 246-248.
12. Цибиков Б.Д. Бурятские ученые национал-демократы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 249 с.
13. Цыжипов Э.В. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 – июнь 1941 г.: дисс. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2006. 196 с.

Cultural heritage in the context of ideological struggle in Buryatia in 1920-ies

Mariya V. Amgalanova

PhD in Culturology, Associate Professor,
East Siberia State Institute of Culture,
670031, 1 Tereshkovoï st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: amgalanova@rambler.ru

Abstract

The article considers the cultural heritage of Buryat people in the context of fierce ideological struggle. In the short term, it was not easy to see which elements were democratic and which elements were bourgeois, so the intensity of the ideological struggle that had developed around cultural heritage was understandable. The author considers such acute political issues as the problem of reforming the written language, the use of elements of religious culture – Buddhism and Shamanism in the development of the program of national cultural construction. The author pays special attention to the criticism that the old social order of the Buryats was subjected to, as well as the exploitative class and bourgeois intelligentsia, which was a guide to preserving the past through the cultural heritage. From the point of view of the official ideology, the use of elements of traditional culture, Buddhist culture, old Mongolian writing in the construction of the Soviet Buryat culture was considered reactionary, unnecessary and harmful and was decisively rejected. The ideas of the cultural figures of the cultural revival of the Buryat people in the context of the fight "with the correct divisions of the national-cultural development" were much criticized in the 1920-1930-ies for the denial of the class nature and anti-popular essence of the feudal-clerical and bourgeois culture.

For citation

Amgalanova M.V. (2018) Kul'turnoe nasledie v kontekste ideologicheskoi bor'by v Buryatii 1920-kh godov [Cultural heritage in the context of ideological struggle in Buryatia in 1920-ies]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (1A), pp. 302-309.

Keywords

Cultural heritage, national culture, socialist culture, cultural policy, ideological struggle.

References

1. Baradin B.B. (1925) *Voprosy stsenicheskogo iskusstva buryat-mongolov* [The questions of buriat-mongol theatre art]. Verkhneudinsk.
2. Bazarov B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920-1950-kh godov i razvitie literatury i iskusstva Buryatii* [Social and political life in the 1920s-1950s and the development of literature and art in Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
3. Bazarov B.V., Zhabaeva L.B. (2008) *Buryatskie natsional'nye demokraty i obshchestvennaya mysl' mongol'skikh narodov v pervoi treti XX veka* [Buryat national democrats and political thought of the Mongolian peoples in the first third of the XX century]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
4. Bazarova V.V. (2012) Latinizatsiya buryat-mongol'skoi pis'mennosti v 1920-1930 gg. [Latinization of the Buryat and Mongolian written language in the 1920s-1930s]. *Vlast'* [Power], 8, pp. 106-110.
5. Belikov P.F. (2001) *Rerikh: opyt dukhovnoi biografii* [Roerich: experience of spiritual biography]. Moscow: Mezhdunarodnyi tsentr Rerikhov, Master-Bank Publ.
6. *Buryatskaya identichnost' v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii (sovetskii period)* [Buryat identity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)]. Available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat2/index.html [Accessed 12/03/18].
7. *Istoriya buryatskoi sovetskoi literatury* [The history the Buryat Soviet literature] (1967). Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo Publ.
8. Lenin V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works], vol. 24, 5th ed. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury Publ.
9. Sinitsyn F.L. (2012) K istorii vozniknoveniya teorii obshchnosti buddiiskogo ucheniya i kommunisticheskoi ideologii [To the history of the creation of the theory of community of Buddhist doctrine and the Communist ideology]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 6, pp. 106-115.
10. Tsibikov B.D. (2003) *Buryatskie uchenye natsional-demokraty* [The Buryat national democrats scientists]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
11. Tsyzhipov E.V. (2006) *Istoriya politicheskikh repressii v Buryat-Mongolii. 1928 – iyun' 1941 g. Dokt. Diss.* [History of political repression in Buryat-Mongolia. 1928-June 1941. Doct. Diss.]. Ulan-Ude.
12. Tuya S. (1923) O buryat-mongol'skom epose i shamanskoi poezii [On Buryat-Mongolian epic and shamanic poetry]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 5-6, pp. 246-248.
13. Zhamtsarano Ts. (1907) Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritiki [Buryat Narodnik Movement and its critics]. *Sibirskie voprosy* [si-Birsk questions], 24, pp. 15-20.